

Письма по молитвам к Богородице

О ДУХОВНОМ НИЩЕНСТВЕ

Хотелось рассказать тебе о том, как Пресвятая Владычица открыла мне знание об узком пути, дала право на духовное нищенство.

Само девство Богородицы — знак пустоты, полного доверия Богу. Ее девство — смирение и ожидание, символ того, что Она — слабый, хрупкий сосуд.

Блаженны нищие духом, яко тех есть Царство Небесное!

Бог избрал слабое этого мира, чтобы воссияла Его сила. Девство Марии — знак скрытой, потаенной жизни, прекраснейший образ внутреннего человека.

И какой разительный контраст между тем, что открылось нам в Благодатной и тем, к чему стремились мы в своей прежней, языческой жизни!

Здесь, через Нее, — узкий путь спасения, там — широкая дорога гибели. Каковы были наши идеалы? К чему и по сей день стремится большинство лишенных Бога людей?

К тому, чтобы обладать «наибольшим количеством возможностей», чтобы быть широким человеком.

Воспеваются на все лады «гармонически развитая личность». Под ней же имеют в виду не что иное, как человека, умеющего все и занимающегося всем. Страницы газет и журналов пестрят рассказами об этих удивительных людях:

Он, например, замечательный токарь, у него двое детей, он успевает все: по вечерам посещает студию рисунка, учится в заочном техникуме, посещает институт марксизма-ленинизма, имеет первый разряд по футболу и т. д. и т. п. Она — прекрасная жена и любящая мать. Работает ткачихой, занимается в художественной самодеятельности, следит за новинками литературы.

Конечно, большинство этих портретов — выдумка и профанация.

Но важно то, что идеал всеядности и широкости с детских лет прививается советскому человеку. Он обучается быть жадным — поглощать, поглощать и поглощать. Не важно что, лишь бы копить.

Главный принцип — принцип количества и, соответственно, любопытства. «Хочу все знать» — вот фраза, подменившая духовную жизнь. Исчезло понятие духовной гигиены, перестали различать духов. Перестали вообще что-либо различать:

«Любопытство озабочено тем, чтобы видеть, но не тем, чтобы понимать увиденное... Оно ищет новое, чтобы перепрыгнуть от него к другому новому... по-

этому любопытство характеризуется специфической непребиваемостью у своего ближнего... В своей **непребиваемости** любопытство заботится о постоянной возможности **рассеяния**. Любопытство не имеет ничего общего с удивленным созерцанием сущего, оно не хочет прийти к непониманию путем удивления, но оно озабочено знанием лишь для того, чтобы просто знать (Хайдеггер «Бытие и время»).

Пафос любопытства — пафос возможности, рассеянное непребивание у ближнего, бегство к дальнему, к тому, чего нет. Небытие как идеал, как последняя цель.

Идеал человека, наделенного несметным количеством возможностей, появился где-то в Возрождение, когда был открыт новый и удивительный мир, когда казалось, что человек способен на все. Пафос возможности был пафосом дерзания.

Позднее Кант заимствует свое представление о трансцендентальном идеале человека из понятия Николая Кузанского о Боге: Бог — это существо, наделенное бесконечным количеством возможностей. Со времен Просвещения свобода и совершенство человеческой личности связывается с ее «широкостью» и универсальностью.

Позднее, в 19 веке, возможность перестает быть чем-то окрыляющим и плодотворным. Она все больше отделяется от реальности, все больше бледнеет и теряет в весе. Появился эстетизм как игровое, несерьезное отношение к жизни, как постоянное бытие лишь в возможности, не в действительности. Но в красивой позе эстета сохранилось хотя бы воспоминание о прежнем дерзновении, о некогда вдохновляющем проекте человека.

Не так, совсем не так, понимают бытие в возможности сейчас, в наше прагматическое и жестокое время. Хомо советикус живет в возможности: это значит, он не может жить в действительности. Он еще не живет вообще. Не умеет, а, если и умеет, то не дают. Поэтому и остается заниматься сразу всем и ничем, воображая себя широкой натурой, на деле же прикрывая разговорами о «гармонически развитой личности» свою инфантильность и невыевленность.

Таковыми были и мы, пока не столкнулись с христианской истиной о «сокровенном сердца человеке», пока не нашли жемчужину, ради которой готовы отказать от всех внешних благ, талантов и знаний, пока не озарили нас слова Апостола: «Ибо я рассудил быть у вас не знающим ничего, кроме Иисуса Христа и притом распятого».

Нас поразил **Реализм** христианства, его пребывание у ближнего, **конкретность** учения о человеке и спасении.

Мы, наконец, открыли, что каждый должен быть самим собой, **этим**, уникальным человеком, а не кем-то другим, который есть только в возможности, которого вообще нет.

Узкий и крестный путь — тот путь, по которому прошла Пресвятая Владычица — был открыт как единственно возможный и достойный человека.

И, не стыдясь, нарекли себя рабами Божиими.

Так называла себя Божья Матерь, предпочитая смирение и внутреннюю жизнь, цenia радость нищенства.

Раба Божья — значит, совершенно открытая Богу, совершенно послушная Реальности. Признав себя рабами Божьими, мы открыли выход из царства пустых и мертвых, никогда не осуществимых возможностей в Действительности, мы перестали быть бесплодными мечтателями, начали жить.

Одно признание себя рабой Божьей несет в себе спасительную, покаянную силу, притягивает Божью Милость, становится живой проповедью о тайне божественной любви:

Но Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное, и незнатное мира, и униженное, и ничего не значащее избрал Бог, чтобы упразднить значущее... для того, чтобы никакая плоть не хвалилась перед Богом» (1 Кор.).

ВЗЫСКАНИЕ ПОГИБШИХ

Мы встретили Ее, потому что были уже погибшими, потому что с детства получили совершенно уникальный опыт небытия. Нам не дали религиозного воспитания, мы росли в те годы, когда всякая связь с русским культурным и религиозным прошлым была уже прервана. Мы стяжали предельно несчастный и предельно счастливый опыт. Наша душа столкнулась с ничто, не имея при себе никаких «механизмов защиты», будучи душой невинной и чистой. Никакие ценности культурной и духовной реальности не мешали нам встретиться с самым безотрадным фактом человеческого существования — со смертью. Было «чистое купание в ничто», был ужас неожиданного, всегда неожиданного нахождения себя в фактичности, в бессмысленной данности бытия. Такая «гносеологически» выгодная чистота не имела еще места в истории — русский человек 19 века был с детства облагорожен религией и воспитанием, европеец того также защищен своей доброй традицией.

Итак, одних из нас уникальность нашего положения опустила до предельно низкого уровня, превратила в невротиков и непробиваемых материалистов, других же (их, конечно, меньшинство) заставила броситься в пропасть (ведь прыгать-то все равно нечего), и этот прыжок оказался спасительным.

Почему современный европейский человек так далек от идеи Бога?

Да потому, что он имеет слишком много приятно-относительных размышлений и занятий, чего не имели мы. И потому из одного абсолюта нас бросило в другой, честный и почти отчаянный прыжок в пропасть привел к неожиданному результату — чьи-то мощные руки подхватили решившихся на все — падение нашлось оказалось встречей с Небом.

Мы уже погибли, но были спасены. Богородицу у нас называют «взысканием погибших», заметь, не погибающих, а уже погибших, безнадежных.

Только чудо могло спасти нас — и это чудо пришло. Божья Матерь ходатайствует за род человеческий перед Богом, сдерживает Его гнев. Непостижима

Ее милость, ибо только непостижимая милость и любовь может преодолеть то, что мы успели усвоить на Голгофе нашего атеизма — страшную наготу и безжалостность бытия.

Философы называют пережитое нами по-разному: заброшенностью (Хайдеггер), обреченностью на свободу (Сартр), абсурдом (Камю). Все это испытали мы в России с удвоенной силой. Разве не приходит иногда на ум мысль, что окружающие нас несчастные люди уже живут в аду?

Но в православном предании Богородица спускается в ад.

Недаром так часто удавалось мне слышать рассказы простых русских женщин о встречах с Ней.

Невероятно близка Она мукам женского существования. Слышит каждый вздох, утирает каждую слезу.

«Не имамы иные помощи, не имамы иные надежды» — это о Ней поет в церкви наш народ.

Не раз писали, что православию присущ монофизитский уклон, т. е. что человеческая природа Христа открыта в нем в меньшей степени, чем божественная. В наше суровое время, среди гонений и притеснений, зримая, историческая церковь вынуждена стать еще более отвлеченной, еще более «нечеловеческой». Растет анонимно-магический элемент народного сознания, Бог все более удаляется от нас, покрываясь если не пылью, то золотом. Но это лишь половина истины.

Церковная жизнь — это жизнь в полноте, и усиленному монотеизму явилась не менее сильная антитеза: поклонение человеческому в Боге, молитва к Той, которая была человеком, хоть и вознеслась выше ангелов, явление Пресвятой Владычицы, чья любовь более ощутима, чем все катастрофы видимой жизни, в чьем заступничестве каждый верующий мог убедиться на опыте собственного существования.

Богородица явилась к нам тогда, когда мы могли принять лишь один тип веры — веру сверх надежды.

Дева Мария — первая христианка и мать верующих, подобно тому, как Авраам — «отец верующих».

Не случайны эти слова в песне Пресвятой Богородицы:

«Восприят Израиля отрока своего, помянуть милости, якоже глагола ко отцем нашим, Аврааму и семени его даже до века».

Авраам — начало веры, Мария — ее эсхатологическое завершение.

И в жизни каждого из нас повторился этот путь — от Авраама до Марии, от экзистенциальной религии абсурда (вспомни «страх и трепет» Кьеркегора) до радостной и благодатной жизни в вере, от одинокого «Бог искушает меня» до соборного «Богородице, Дево, радуйся!»

Она выводит нас из «пещи вавилонской» адского, обезбоженного существования, и новым светом сияют данные Ей когда-то имена:

Она «неопалимая купина», объятая пламенем Духа Святого.